

сказать, инстинктивно прибегаете к длинным словам и затрепанным идиомам. В наш век невозможно быть “вне политики”. Все проблемы — политические проблемы, а сама политика — это масса лжи, уверток, безрассудств, ненависти и шизофрении. Когда общая атмосфера отравлена, язык страдает...» [7, с. 291]

Таким образом, эвфемизмы используются в политическом дискурсе для создания неадекватной информационной модели действительности (искажение, смещение приоритетов), для реализации на языковом уровне метода преобразования информации в соответствии с конкретными целями, а именно: внедрение в общество установок, не совпадающих с изначально у него имеющимися. Используемые эвфемизмы, с одной стороны, отражают какие-то сдвиги в общественном сознании, а с другой — способствуют их закреплению в этом обществе, камуфлируя обозначаемое понятие.

Список использованной литературы

1. Середина Е. В. Политическая коммуникация. Особенности языка политического дискурса: к истории вопроса // Журнал «У». Экономика. Управление. Финансы. 2016. № 2. URL: <http://Port-u-ru>...intem/1706-politicheshaya-kommunikatsia>.
2. Синеокая Н. А. Характеристика политического дискурса // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 6. URL: <http://Group-global.org>ru/node/30681>
3. Суслова Н. В., Усольцева Т. Н. Новейший литературоведческий словарь-справочник. Мозырь : Белый ветер, 2003. 152 с.
4. Ларин Б. А. Об эвфемизмах. Проблемы языкознания. Л., ЛГУ, 1961. С. 101–114.
5. Майорова А. В. Манипулятивная функция эвфемизмов в современном обществе // Инновационное развитие: потенциал науки и современного образования : монография. Пенза : МЦНС «Наука и Просвещение», 2018. 252 с.
6. Большой толковый социологический словарь терминов... URL: <http://onlinedics.ru/slovar/soc.html>
7. Оруэлл Дж. Политика и английский язык // Политическая лингвистика. Вып. 20. Екатеринбург, 2006. С. 280–294.

Туранин Владислав Юрьевич,

доктор юридических наук, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия, г. Белгород, turanin@mail.ru

УДК 340.113

Системность юридических терминов как форма проявления культуры законотворчества

Статья подготовлена при финансовой поддержке Белгородского государственного национального исследовательского университета в рамках научного проекта 2018–2019 гг. «Государство созидающее». Ключевая инициатива: «Государство созидающее: влияние юридической терминологии на развитие современного российского законодательства».

Аннотация. В статье представлена авторская позиция, касающаяся необходимости восприятия системности юридических терминов в качестве формы проявления культуры законотворчества. Юридическая терминология — это основа любого правового текста, поэтому квалифицированное использование терминов является залогом эффективности правовых норм и предпосылкой для их правильного применения. Автором исследуются структурные особенности юридической терминологической системы: анализируется первичное звено — юридические термины, рассматриваются терминологические ряды и аппараты. Показываются вертикальная и горизонтальная связи между элементами системы, формулируется вывод о важности системности юридических терминов в правовых текстах в контексте формирования культуры законотворчества.

Ключевые слова: система, юридический термин, юридическая терминологическая система, нормативные правовые акты, культура законотворчества.

Vladislav Turanin

Doctor of law, Head of the Department of theory and history of state and law, Belgorod State University, Russia, Belgorod

Systematic legal terms as a form of manifestation of the culture of lawmaking

Abstract. The article presents the author's position on the need to perceive the consistency of legal terms as a form of manifestation of a culture of lawmaking. Legal terminology is the basis of any legal text, therefore qualified use of terms is the key to the effectiveness of legal norms and a prerequisite for their correct application. The author studies the structural features of the legal terminological system: the primary link is analyzed — legal terms, terminological series and devices are considered. Vertical and horizontal connections between elements of the system are shown, a conclusion is formulated on the importance of the systematic nature of legal terms in legal texts in the context of forming a culture of lawmaking.

Key words: system, legal term, legal terminological system, regulatory legal acts, culture of lawmaking.

Культура законотворчества представляет собой элемент общей правовой культуры. Можно говорить о том, что это чётко определённая система ценностей и идей участников законотворческой деятельности, которая положительным образом влияет на формирование российского законодательства. Так, в частности, С. В. Кабышев под культурой законотворческого процесса понимает «систему знаний и навыков его участников, основанную на соответствующих ценностях, которая определяет содержание, организацию и результат данного процесса» [1, с. 136]. Культура законотворчества проявляется, прежде всего, в соблюдении участниками законотворческой деятельности требований юридической техники, относящихся к процессу подготовки и принятия нормативных правовых актов, а также к их оформлению, структуре и содержанию.

Важнейшим вектором проявления культуры законотворчества является логико-языковая грамотность нормативных правовых актов, которая основывается, в том числе, на системности юридических терминов, активно используемых в официальном тексте. Отметим, что юридическая терминология — это языковая основа любого нормативного правового акта, а каждый термин представляет собой своеобразное «ядро», вокруг которого концентрируются все другие слова и словосочетания. Юридическими

терминами, к примеру, являются: «право», «государство», «преступление», «правонарушение», «трудовой договор», «сервитут» и др. Каждый пользователь, сталкиваясь с термином, закреплённым в том или ином источнике права, открывает для себя новые исследовательские грани, соприкасается с мыслью о праве. Можно сказать, что юридическая терминология является той самой «заветной дверцей» в самую суть права.

Использование терминов всегда было и остаётся самым эффективным способом донесения информации, заложенной в правовых нормах, до каждого конкретного адресата. При этом хаотичное употребление юридических терминов (происходящее, зачастую, на стадии подготовки правовых актов) неизбежно ведёт к «разбалансировке» законодательства, снижению качества правовых норм, а значит, — к падению культуры законотворчества. Соответственно, для того, чтобы купировать развитие данных негативных процессов, юридическая терминология должна проходить процесс систематизации, то есть её упорядочения в целях организации юридической терминологической системы [2, с. 90–91].

В философском понимании, по мнению одного из основоположников общей теории систем Л. фон Берталанфи, система — это «комплекс элементов, находящихся во взаимодействии» [3, р. 33]. По убеждению А. Н. Аверьянова, система представляет собой некое «отграниченное множество взаимодействующих элементов» [4, с. 43]. В соответствии с концепцией П. К. Анохина, система — это «комплекс избирательно вовлеченных компонентов, у которых взаимодействие и взаимоотношения принимают характер взаимодействия компонентов на получение фокусированного полезного результата» [5, с. 35]. Это может быть и «множество связанных между собой элементов, составляющее определенное целостное образование» [6, с. 320]. Д. А. Керимов с позиции теории права отмечает, что «любая система представляет собой интеграцию однотипных по своей сущности образований в структурно упорядоченное целостное единство, обладающее относительной самостоятельностью, устойчивостью, автономностью функционирования и взаимодействием с внешней средой для достижения заданных целей» [7, с. 218]. Исходя из анализа представленных научных трактовок системы, можно сделать вывод о том, что ее признаками являются: множественность элементов, их взаимодействие, однотипность, интегративность, упорядоченность, а также относительная самостоятельность, устойчивость, автономность функционирования, но и взаимодействие с внешней средой (по отношению к данной системе).

Первичным и основным звеном юридической терминологической системы является юридический термин. С его помощью формируются и другие элементы системы — ряды и аппараты.

Юридические терминологические ряды объединяют юридические термины и играют определяющую роль в укреплении системных связей. Юридические терминологические ряды «пронизывают» право и все его отрасли. Идея о наличии юридических терминологических рядов является логическим продолжением разработок А. М. Васильева, касающихся определения сущности понятийных рядов в правовой теории. По

его мнению, «понятийный ряд представляет собой такое подразделение в системе правовых категорий, с помощью которого фиксируются логические связи между включенными в него юридическими понятиями, отражающие моменты единства и разнообразия правопроявлений в установленном отношении» [8, с. 134]. Действительно, выделение понятийных рядов в рамках общей системы юридических понятий представляется не только возможным, но и необходимым. Формирование ряда как структурной составляющей системы юридических понятий помогает в процессе ее внутренней организации, служит проявлением логических связей элементов, обеспечивает их координацию.

В большинстве случаев понятийные ряды — это видовые иерархические структуры. Иерархические, потому что в них можно выделить некоторые базовые элементы (понятия), вокруг которых концентрируются другие понятия, выраженные соответствующими терминами. Например, в теории гражданского права в качестве такого элемента структурно упорядоченного понятийного ряда можно выделить юридическое понятие, выраженное термином «вещь», которое является образующим элементом для понятий, выраженных такими терминами, как «неделимая вещь», «сложная вещь», «главная вещь», «принадлежность» и т. д.

Признаками юридического терминологического ряда являются:

- смысловое единство составляющих ряд терминов;
- зависимость составляющих ряд терминов друг от друга;
- иерархичность построения терминологического ряда.

Проследим особенности существования юридических терминологических рядов по отношению к конкретным законам на примере Федерального конституционного закона «О референдуме Российской Федерации». В статье 4 данного закона выделяются и определяются двенадцать основных юридических терминов: «агитация по вопросам референдума», «адрес места жительства», «бюллетень», «вопрос референдума», «инициативная агитационная группа», «инициативная группа по проведению референдума», «кампания референдума», «комиссия референдума», «подписной лист», «политическая партия», «право на участие в референдуме», «участники референдума» [9]. В определении одиннадцати из них (за исключением термина «адрес места жительства») содержится ключевое слово — «референдум», а сам термин «референдум» определяется в статье 1 данного закона. Эти термины (как минимум) и составляют юридический терминологический ряд, ведь они:

а) объединены смысловым единством: их использование сфокусировано и направлено на раскрытие сущности правового регулирования общественных отношений, связанных с проведением референдума;

б) зависимы друг от друга при использовании в законе: например, употребление юридического термина «агитация по вопросам референдума» невозможно без использования терминов «вопрос референдума» и «референдум», применение юридического термина «право на участие в референдуме» невозможно без использования терминов «участники референдума» и «референдум»;

в) характеризуются иерархией: в тексте закона есть ключевой юридический термин — «референдум» — и термины, образующие с ним логико-подчинительную цепочку.

Обратим особое внимание на иерархичность в построении юридических терминологических рядов, которая является признаком, позволяющим идентифицировать каждый ряд в данной системе (по аналогии с понятийными рядами).

Иерархичность юридического терминологического ряда подразумевает существование основных (ключевых) и образующих с ними логико-подчинительную цепочку элементов. Наличие стержня — ключевого термина — является той связующей нитью, без которой правильное восприятие законодательного текста практически невозможно. Это элемент, за счет которого прирастает и формируется сопутствующая терминология. По такому пирамидальному принципу построено большинство законодательных актов. Так, к примеру, в Федеральном законе «О государственной службе российского казачества» [10] подобными основными терминами являются «казачество» и «казачье общество», вокруг которых сконцентрированы и объединены все другие термины данного закона. В тексте Федерального закона «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» в качестве основных терминов следует воспринимать такие, как «присяжные заседатели», «список кандидатов в присяжные заседатели», а в качестве терминов, образующих с ними логико-подчинительную цепочку, — «общий список кандидатов в присяжные заседатели», «запасной список кандидатов в присяжные заседатели» и т. д. [11]

Отметим, что юридические терминологические ряды могут быть как оконченными, так и неоконченными. Так, например, оконченный терминологический ряд представлен в рамках Федерального закона «О банках и банковской деятельности» [12]: «кредитные организации» (основной термин), «банки», «небанковские кредитные организации» — термины, образующие с ним логико-подчинительную цепочку. Неоконченный терминологический ряд — в рамках ГК РФ: «ценные бумаги» (основной термин), «акция», «вексель», «закладная», «инвестиционный пай паевого инвестиционного фонда», «коносамент», «облигация», «чек» — термины, образующие с ним логико-подчинительную цепочку. При этом отметим, что в ст. 142 ГК РФ, устанавливающей виды ценных бумаг, их перечень неисчерпывающий, подтверждением этому является формулировка «и иные ценные бумаги».

Кроме возможности объединения юридических терминов в соответствующие ряды существует, на наш взгляд, реальная перспектива выделения в юридической терминологической системе и терминологических аппаратов.

Для определения сущности юридического терминологического аппарата, с нашей точки зрения, прежде всего, необходимо определить пределы его реализации. Это обусловлено в том числе и семантикой самого термина «аппарат», основанной на свойстве некой обособленности по отношению к схожим объектам. Отметим, что данный термин может восприниматься как «прибор, механическое устройство, предназначенное для выполнения определенной работы под наблюдением человека» или, например, как «учреждение или совокупность учреждений, обслуживающих какую-либо об-

ласть управления или хозяйства» [13, с. 48]. Таким образом, мы видим несколько значений слова «аппарат», связанных с конкретной, определенной деятельностью. Интересна и сама применимость этого термина в филологической или юридической науке, с помощью которой раскрываются его дополнительные смысловые грани.

Выделенное свойство обособленности является основополагающим для индивидуализации юридического терминологического аппарата. Учитывая связь юридической терминологической системы с юридическим языком (в целом), логичным будет предположить возможность существования юридического терминологического аппарата как структурного элемента юридической терминологической системы в рамках функциональных разновидностей юридического языка: языка юридической науки, языка юридической практики и юридического разговорного языка. Иными словами, в данном случае своеобразной смысловой «матрицей», позволяющей «вычлени́ть» юридический терминологический аппарат, является юридический язык, а обособление аппарата происходит по видовому критерию. Если следовать заданной логике и воспринимать в качестве такой «матрицы» право, то можно предположить, что юридическая терминологическая система относится к праву вообще, а юридические терминологические аппараты существуют в рамках отраслей права. Соответственно, их обособление возможно и по отраслевому критерию.

Проецируя предложенный тезис на законодательство, отметим, что терминологические аппараты можно обособить не только по отраслевому критерию (терминологический аппарат гражданского законодательства, терминологический аппарат уголовного законодательства и т. д.), но и по критерию индивидуальности каждого закона в системе законодательства, что дает возможность говорить о терминологических аппаратах конкретных законов. При этом, конечно же, справедливой будет оговорка о том, что приведенные примеры обособления юридического терминологического аппарата имеют относительный (условный) характер.

В качестве элементов юридического терминологического аппарата выступают отдельные термины и терминологические ряды. В свою очередь, их структурное единство и логическая взаимосвязь являются еще одними особенностями, характеризующими каждый юридический терминологический аппарат.

Исходя из изложенного, можно выделить следующие признаки юридического терминологического аппарата:

- относительная обособленность в рамках юридической терминологической системы;
- структурное единство элементов (юридических терминов и рядов), составляющих юридический терминологический аппарат;
- логическая взаимосвязь данных элементов.

Приведем некоторые примеры. Так, терминологический аппарат российского уголовного законодательства составляют отдельные юридические термины («обратная сила», «амнистия»), а также юридические терминологические ряды:

- «преступление», «категории преступлений», «совокупность преступлений», «рецидив преступлений», «преступник» и др.;

— «вина», «формы вины», «умысел», «неосторожность», «вред», «невиновное причинение вреда» и др. (УК РФ). При этом данные элементы юридического терминологического аппарата отличаются структурным единством (они последовательно определяют соответствующие им понятия) и логической взаимосвязью (они объединены общим уголовно-правовым понятийным вектором).

Терминологический аппарат Федерального закона «О клиринге и клиринговой деятельности» также составляют:

— отдельные термины («контролирующее лицо», «организованные торги»);
— терминологический ряд («клиринг», «внутренний учет клиринговой организации», «индивидуальное клиринговое обеспечение», «клиринговая услуга», «клиринговая деятельность», «клиринговая организация», «клиринговый пул», «клиринговый брокер», «коллективное клиринговое обеспечение», «неттинг», «правила клиринга», «участник клиринга» и др. [14]). В данном случае также можно четко проследить структурное единство и логическую взаимосвязь элементов.

Как мы отмечали ранее, в юридической терминологической системе должны существовать как вертикальная, так и горизонтальная связь между элементами (юридическими терминами, рядами и аппаратами) [15, с. 85–86].

Вертикальная связь основана на возможности объединения первичных элементов системы (юридических терминов) и, как следствие этого, формирования терминологических рядов, аппаратов и самой системы. Здесь уместно говорить о том, что термин является своеобразным «кирпичиком», заложенным в фундамент системы. Вертикальную связь, присутствующую в юридической терминологической системе, можно представить следующим образом:

термин
↓
ряд
↓
аппарат
↓
система

Горизонтальная связь обусловлена однородным составом элементов юридической терминологической системы: и терминологические ряды, и терминологические аппараты формируются с помощью первичных элементов системы — юридических терминов. И все это в итоге является предпосылками для образования системы:

термин → ряд;
термин → ряд → аппарат;
термин → ряд → аппарат → система.

Представление о существовании вертикальной и горизонтальной связи между элементами юридической терминологической системы крайне важно для установления режима ее непротиворечивости.

Соответственно, саму юридическую терминологическую систему можно охарактеризовать как структурно упорядоченное множество элементов (юридических терминов, рядов и аппаратов), обладающих вертикальной и горизонтальной связями.

В заключение отметим, что наличие юридической терминологической системы является залогом эффективного функционирования российского законодательства и его надлежащего применения. В свою очередь, системность юридических терминов в правовых текстах — это важная форма проявления культуры законотворчества, а также показатель высокого уровня подготовки участников законотворческой деятельности.

Список использованной литературы

1. Кабышев С. В. Культура законотворчества в Канаде // Юридическая техника. 2016. № 10. С. 136–142.
2. Туранин В. Ю. О необходимости систематизации юридической терминологии в условиях осуществления региональной законотворческой деятельности // Теория государства и права. 2018. № 4. С. 90–94.
3. Bertalanffy L. von. General system theory; foundations, development, applications / L. von Bertalanffy. New York : G. Braziller, 1969. 295 p. : ill.
4. Аверьянов А. Н. Системное познание мира: методол. пробл. М., 1985. – 263 с.
5. Анохин П. К. Принципиальные вопросы общей теории функциональных систем // Принципы системной организации функций : сб. ст. / АН СССР, Науч. совет по физиологии высш. нервной деятельности и нейрофизиологии ; отв. ред. П. К. Анохин. М., 1973. С. 5–61.
6. Философский словарь / под ред. М. М. Розенталя, П. Ф. Юдина. 2-е изд. М., 1968. 432 с.
7. Керимов Д. А. Философские основания политико-правовых исследований. М. : Мысль, 1986. 330 с.
8. Васильев А. М. Правовые категории: методол. аспекты разработки системы категорий теории права. М., 1976. 264 с.
9. О референдуме Российской Федерации: федер. конституц. закон от 28.06.2004 № 5-ФКЗ. URL: <https://fzrf.su/zakon/o-referendume-5-fkz/>
10. О государственной службе российского казачества: федер. закон от 05.12.2005 № 154-ФЗ. URL: <https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-05122005-n-154-fz-o/>
11. О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации: федер. закон от 20.08.2004 № 113-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48943/
12. О банках и банковской деятельности: федер. закон от 02.12.1990 № 395-1. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5842/
13. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. 4-е изд., стер. М., 2001. Т. 1. 622 с.
14. О клиринге, клиринговой деятельности и центральном контрагенте: федер. закон от 07.02.2011 № 7-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110267/
15. Туранин В. Ю. Феномен юридической терминологии. М. : Юрлитинформ, 2018. 184 с.